

Глава 18

Капитан

Порт Серого Моста, Улица Рыбьего Хвоста.

С приходом ночи изнуряющий зной отступил, уступая место густому морскому туману, что окутал узкий, не более пары сотен метров в длину, переулок. В этом смрадном мареве, над грудями выброшенной чешуи и гниющих потрохов, заунывно гудели тучи мошкары. Ступив сюда, казалось, попадаешь в самую выгребную яму, пропитанную запахом прогорклого жира.

В самом конце улицы лепилось друг к другу жалкое скопище лачуг — последнее пристанище бедноты. Здесь, в покосившихся хижинах, больше похожих на звериные норы, ютились рыбаки, корабельщики и портовые грузчики. Тишина стояла зловещая, почти осязаемая; лишь изредка доносился слабый младенческий плач, который тут же обрывался, словно задавленный страхом.

Старая рыбачка с трудом подтащила к постели тяжелую лохань. Намочив обрывок ветоши, она осторожно коснулась лба и губ маленькой девочки. Малышке Марте было от силы четыре-пять лет. Лицо её было смертельно бледным, но на щеках полыхал багровый жар лихорадки.

— Марта, Марточка... — горестно шептала женщина, призывая внучку, но та лишь глубже погружалась в зловещее забытие.

Вдруг снаружи послышались звуки шагов, хлюпанье подошв по липкой грязи. Старуха вздрогнула, мгновенно ошестинившись, и поспешно укрыла маленькое тельце внучки единственным ветхим одеялом.

«О Одрейс, бог морей, только бы это не стража...» — безмолвно молила она.

Всего три лачуги назад жил грузчик Бенни, которого стражники увели такой же ночью. Сказали — «участник бунта», и больше этот добродушный силач домой не вернулся.

Молитвы, казалось, не были услышаны: шаги смолкли у самого порога. Старая рыбачка незаметно перехватила стоявшую за дверью острую острогу, решив, что если случится худшее, она заберет этих скотов с собой в бездну.

— Слава богу морей! Это я, я вернулся живым!

Острога со звоном выпала из её рук.

Затем последовали возгласы иступленной радости, слезы, упреки и долгие рыдания в объятиях друг друга. Нова стоял рядом с Азукой, безмолвно наблюдая за этой сценой. Сразу по

прибытии старый судовой врач и его подмастерье попрощались с ними, а капитан Скарпо, испытывая некоторую неловкость, пригласил своих спасителей переночевать у него.

— Условия здесь... не самые лучшие, — выдавил он, — но найдется горячая еда и крыша над головой.

Его жена, немного успокоившись, вытерла слезы и наконец заметила двоих путников, стоявших за спиной её чудесным образом воскресшего мужа. Она в ужасе склонилась в низком поклоне, бормоча сбивчивые извинения:

— Простите меня, милостивые господа! Мои глаза почти ослепли, я и впрямь не разглядела вас...

Несмотря на простоту их одеяний, благородное происхождение выдавали и утонченные черты лиц, и безупречные зубы, и мягкая, светлая кожа. Глядя на златовласого юношу, старуха на миг даже впала в оцепенение, гадая, была ли перед ней живая плоть бога света или просто человек. Она была уверена: даже епископы Церкви Сияющего Света, которых ей доводилось видеть издали, не обладали и долей того величия, что излучал этот незнакомец.

Капитан Скарпо ободряюще коснулся плеча супруги:

— Не бойся. Это профессор Броуди, о котором я тебе рассказывал. Он — спаситель нашей семьи.

Проработав на море большую часть жизни, Скарпо наконец сумел скопить десяток-другой золотых. Он мечтал купить собственное судно, на котором можно было бы уходить в дальнее плавание, не терпя притеснений от владельцев судов.

Кто бы мог подумать, что при регистрации, поддавшись угрозам и «увещаниям» капитана портовой стражи, моряк по глупости подпишет ворох бумаг. Когда с него вычли все мыслимые налоги и сборы, оказалось, что от корабля не осталось ни доски, а сам Скарпо задолжал еще три золотых. Поняв, что его нагло обманули, он попытался добиться справедливости, но был выброшен на улицу под угрозой продажи в рабство на рудники вместе с семьей.

Доведенный до отчаяния, мужчина уже собирался броситься в море, но на причале сидел черноволосый юноша, преградивший ему путь к смерти.

Капитан до сих пор помнил их первую встречу: юноша был высок, худощав и бледен, словно призрак, окутанный аурой мрачного безразличия. Но когда его серые глаза впивались в собеседника, казалось, он выворачивает саму душу наизнанку.

Молодой человек походил на бедного студента и вертел в руках морскую раковину. Скарпо, опасаясь, что и этот ребенок пришел свести счеты с жизнью, завел с ним разговор.

Выяснилось, что тот прибыл сюда в поисках неких китов, что заходят в эти воды, но не смог найти дешевого судна.

Моряк знал, где искать этих гигантов. Решив напоследок совершить безумство, он тайно провел незнакомца на корабль, который по праву должен был принадлежать ему, и вышел в море. Они нашли китов.

На обратном пути Скарпо уже планировал, как его семья сбежит, пока он сам будет отрабатывать долг на рудниках. Однако, выслушав его горестную историю, юноша спокойно процитировал соответствующие статьи имперского морского кодекса. Он заявил, что у него нет денег на оплату путешествия, а потому выступит в качестве юриста и вернет Скарпо его корабль.

Капитан никогда не забыл бы багровое от ярости лицо начальника стражи — тот явно не ожидал, что нищий матрос наймет адвоката. И уж тем более он не ожидал, что этот язвительный и беспощадный «законник» окажется сыном виконта. Мелкий портовый чиновник не посмел перечить наследнику знатного рода. Судно, позже названное «Искателем», вернулось к законному владельцу вместе со всеми деньгами. Так Скарпо нанял команду и стал настоящим капитаном.

Правда, профессор после той победы выглядел почему-то совсем не радостным.

В тесной лачуге старуха порывалась поцеловать руку Новы, опасаясь лишь одного — испачкать его одежду своей грязью.

— Так это вы... добрый господин! Да убережет вас бог морей от штормов и невзгод на всю жизнь!

Затем её взгляд переместился на золотоволосого спутника профессора, и в глазах отразилось замешательство.

— Я помощник профессора Броуди, зовите меня просто Азука, — Избранный богом мягко улыбнулся, не обращая внимания на ошеломленный взгляд капитана Скарпо, знавшего истинное положение дел.

Нова лишь мельком глянул на него, но возражать не стал.

Когда чувства наконец улеглись, Скарпо оглядел свое скудное жилище, и его охватило дурное предчувствие:

— А где Мэнни? И где маленькая Марта?

Единственный сын капитана погиб в кораблекрушении, оставив после себя вдову Мэнни и дочь

Марту. Чтобы прокормить семью, женщины латали сети, пока Скарпо месяцами пропадал в море, стараясь заработать лишнюю монету.

В этот раз судьба свела его с профессором в Белой Башне, и капитан пригласил своего благодетеля в путь, не подозревая, что их ждет кошмарное крушение.

Старая рыбачка замолчала. Она осторожно откинула край одеяла, открывая лицо спящей внучки. Бессильно опустившись на пол, она хриплым, полным скорби голосом поведала о бедах, обрушившихся на дом.

Перед самым Праздником Рассвета к ним явилась стража. Они заявили, что смрад Улицы Рыбьего Хвоста оскорбляет ноздри знатных лордов и жрецов, которые придут на торжество, и мешает их проезду. Жителям велели заплатить «налог на загрязнение воздуха» — с каждого, включая младенцев. У бедняков не было таких денег. Несколько мужчин попытались возразить, но стража вместе с портовым флотом схватила смельчаков, а затем принялась за поборы с удвоенной силой, обходя каждый дом.

Марте как раз пришло время идти в школу при церкви, и после оплаты обучения у семьи не осталось ни гроша. Стражники, не желая слушать оправданий, забрали Мэнни, заявив, что продадут её в бордель, чтобы покрыть недоимку. Старуха цеплялась за их сапоги, умоляя пощадить невестку, но получила жестокий удар в грудь, от которого едва не испустила дух. Маленькая Марта от ужаса слегла в лихорадке. Соседи принесли немного святой воды, но та не помогла.

Старуха зашла в рыданиях:

— Я ходила к госпоже Бален, ходила к «Розовой Лизе»... Меня вышвырнули вон... Моя бедная Мэнни...

Капитан Скарпо, дрожа от ярости, разразился проклятиями, но жена в испуге зажала ему рот, напоминая, что стража патрулирует улицы каждую ночь.

Нова снял перчатку и коснулся лба девочки, затем проверил реакцию зрачков. Азука, словно предугадав его намерения, уже доставал из своих запасов флакон с порошком. Отдав его супругам Скарпо, он велел развести лекарство в кипятке и дать девочке. Старики, осыпая их благодарностями, поспешили исполнить наказ.

Снадобье наталинцев обладало привычно отвратительным запахом. Смрад вареной рыбы в лачуге перемешался с горьким, тошнотворным ароматом лекарства.

Профессор, не выдержав, вышел наружу, чтобы глотнуть воздуха. Его окружали безмолвные трущобы, где плач и стоны отверженных тонули в трясине ночного мрака. Он смотрел на звезды, а затем перевел взгляд на далекие огни центральных кварталов.

Праздник Рассвета, посвященный рождению бога света и славы, праздновался с небывалым размахом. Церковь выставляла на улицах изысканные хрустальные лилии, внутри которых горел гагат — редкое топливо, способное светить месяцами. Это было великолепное зрелище, но одного кристалла размером с ноготь хватило бы, чтобы кормить семью рыбака целый год.

Кто-то откинул полог двери и встал рядом, устремив взор на то же сияние.

— Что вы намерены делать? — тихо спросил Избранный богом, словно не сомневаясь, что его спутник не останется в стороне.

— Самый очевидный путь — найти стражников, подтвердить мой статус, выкупить Мэнни и оставить Скарпо денег, — бесстрастно ответил Нова. — Перед отъездом я выменял несколько крупных жемчужин, они обошлись довольно дешево.

— Тогда что вас тревожит? — Азука внимательно всмотрелся в профиль черноволосого мужчины: в его нахмуренные брови, в плотно сжатые бледные губы. Голос юноши стал мягким, почти нежным, в нем слышалось нечто, граничащее с сочувствием.

Человек, который обычно не лез за словом в карман, снова промолчал. В его груди вскипало нечто жаркое и яростное, как магма, подступая к самому горлу, но лишь для того, чтобы остыть в этом воздухе, пропитанном запахом тлена.

— ...Этого просто не должно быть, — наконец прошептал профессор, словно обращаясь к самому себе, и вновь замкнулся в молчании.

Ему нестерпимо захотелось кофе.

<http://bllate.org/book/15312/1354374>